

ЭССКИЙ ОСТРОВ

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ
РУССКОГО
«ВЗЯТИЯ СИБИРИ»

**Алексей ЗЫКОВ,
Сергей КОКШАРОВ**
кандидат исторических наук

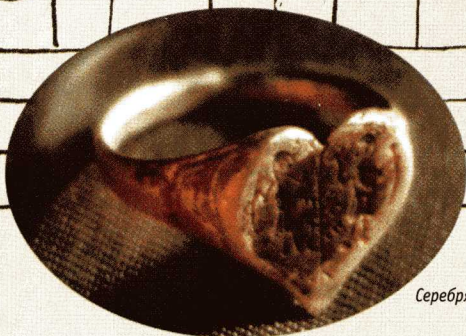
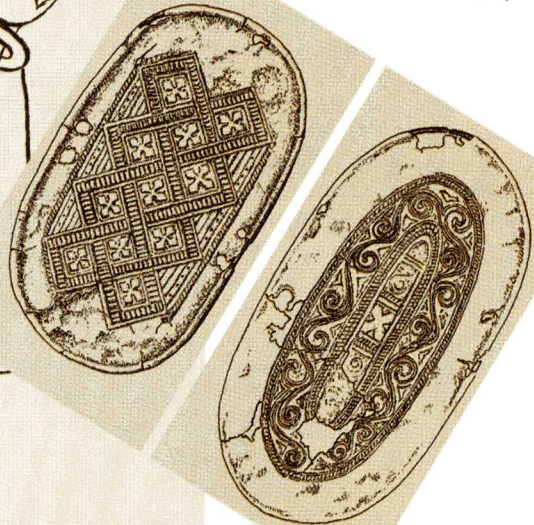
Наша маленькая экспедиция уже целый час бредет по бескрайнему болоту. Немилосердно печет июльское солнце, рюкзаки невыносимо оттягивают плечи, тучи комаров облепляют распаренные потные лица. Мы движемся к неприметному крошечному островку, к месту предстоящих раскопок...

В июле 2001-го мы не случайно оказались посреди поймы сибирской таежной речки Эсс. Наша цель — попытаться раскрыть тайну происхождения найденных в этих местах предметов XV–XVI веков. Как известно, в археологии большую роль играет случай. В сентябре 1985 года житель поселка Комсомольский (ныне город Югорск) Ханты-Мансийского автономного округа Геннадий Григорьевич Духанов, человек любознательный и отлично знающий природу таежного Севера, наткнулся в болоте на небольшой островок. После недавнего пожара среди обгорелых стволов он увидел россыпь старинных вещей из серебра, меди и железа. Часть находок, в основном серебряные и бронзовые украшения, он собрал и привез домой. А зимой, по пути в отпуск, передал их в Свердловске археологам Уральского университета.

Коллекция немедленно привлекла внимание специалистов. В то время она была самым крупным собранием западносибирских предметов XV–XVI веков. Трижды, в 1986, 1987 и 1999 годах островок в болоте посещали археологи. Удалось

Украшения костюма знатной вогульской женщины второй половины XV–XVI вв. (вариант реконструкции по материалам могильника Эсский остров).

Серебряные щитки с тисненым орнаментом.

Серебряный перстень.

оставить сначала глазомерный, а затем и инструментальный план острова, собрать большую коллекцию вещей — мелких украшений из серебра, меди и олова, железных топоров, ножей, наконечников стрел, медных котелков. Были осмотрены и все другие островки болотистой поймы Эсса, но сколько-нибудь близких по времени археологических памятников в округе найдено не было (на берегу реки обнаружили поселение раннего средневековья, мансийский пауль XIX века и связанное с ним кладбище).

Стало ясно, что на болотистом острове необходимо провести раскопки. Мы не ждали большого количества находок. Было очевидно, что вещи залежали здесь практически прямо на поверхности, в слое чахой лесной подстилки, и почти все уже было собрано. Мы искали прежде всего следы сооружений, связанных с этими древними предметами. И наши надежды полностью оправдались. Уже в первый день работ стало совершенно ясно, что это очень необычный могильник.

Слово «раскопки» в данном случае неточно определяло характер производимых работ. Безусловно, внешне это был обычный археологический раскоп: участок земли, размеченный колышками и веревками на квадраты. Однако лопаты почти не пригодились: основными инструментами были ножи, совки, кисти. Объекты исследования находились не в толще земли, а на ее поверхности. Они располагались на пологом западном склоне острова. В основание их укладывались длинные выравнивающие бревна. На одной такой лаге были установлены два срубных ящика, от которых сохранились 2–3 венца. Внутри срубов делались настилы из плотно подогнанных плах, где были найдены скопления пережженных человеческих костей и мелкие изделия — серебряные, медные и оловянные пуговицы, серебряные височные подвески, накладки, железные и костяные наконечники стрел. Всего в раскопе удалось выявить шесть таких наземных срубных могил.

На западном склоне острова могло размещаться не более 10–12 погребений, сгруппированных в три коротких ряда. Тщательное обследование остальной части гривы не выявило никаких следов могил и погребально-могильнищ. Очевидно, что умерших кремировали на стороне, а на кладбище доставляли лишь пепел погребенных и их инвентарь.

По погребальному обряду могильник Эссского острова не имеет аналогов ни с могильниками этнографических манси, ни с исследованными археологами могильниками Северо-Западной Сибири XV–XVII веков. Необычно само место расположения кладбища — на островке посреди обширного болота. Очевидно, что люди, соорудившие этот некрополь, преследовали прежде всего цель скрыть его от глаз непосвященных. Необычен и обряд захоронения: кремирование останков на стороне в наземных срубках. Пол-

ная кремация умерших известна в памятниках зауральских таежных угров XV–XVI веков: пепел кремированных останков помещался у них в грунтовые ямы на общих кладбищах, на которых отмечен и обряд труположения. Наконец, совершенно неординарны объем и качество погребального инвентаря. Коллекция небольшого могильника содержит дорогие украшения из серебра — очелье, височные подвески, серьги, браслеты, щитки, бусы, пуговицы, накладки, пронизки, перстни. Необычны раритетные бронзовые украшения XIII–XIV веков: шумящие пронизки и полые зооморфные подвески. Достаточно много для десятка погребений было собрано и других предметов — три медных котелка с железными дужками, четыре топора, 15 наконечников стрел и т. п. Причем у нас нет уверенности в том, что какая-то часть предметов, лежавших прямо на поверхности, например, не была собрана проживавшими поблизости манси в XIX веке. Но даже без учета этого находки могильника Эссский остров невозможно сопоставить с относительно бедным инвентарем многих десятков исследованных погребений XV–XVI веков в Северо-Западной Сибири. По своему богатству он сравним лишь с единичными «княжескими» погребениями XIII–XIV веков, изученными в Сургутском Приобье. Однако последние располагались не особняком, а на общинных кладбищах.

Несомненно, что могильник на болотном острове служил некрополем для семейной или родовой группы вогульской аристократии, какой-то династии князей или мурз Пелымско-Кондинского княжества. Именно этим может объясняться и скрытый, изолированный характер расположения могильника, и необычный погребальный обряд, и богатство инвентаря.

Из найденных в эссской пойме предметов особенно примечательно очелье, украшенное гравированным черным орнаментом и пятнадцатью половинками полых серебряных бусин с зернью и сканью. Полубусины прикреплены к пластине очелья согнутой проволокой, к проволочным петлям присоединены на цепочках паяные привески в виде уток или рыбок из листового серебра. Очелье с четырьмя сохранившимися привесками было найдено Г. Г. Духановым в 1985 году, а в 1999-м нами были обнаружены еще две привески-уточки. Это очелье было сделано где-то в Верхнем Прикамье в XV–XVI веках с использованием более древних золотоордынских бусин XIII–XIV веков. По крайней мере до конца XVI века очелья были частью парадного одеяния знатных остячек и вогулок. Так, среди трофеев, захваченных при пленении семьи кондинского князя Агая в 1594 году, упоминаются два «венчика серебряных». Позднее они использовались для украшения изображений божеств. Во второй половине XVIII века Василий Зуев на свя-

тище Ваксарковых юрт в низовьях Оби видел двух «болванов в образ человека во всем остячком одеянии... и на голове венцы серебряные». Наиболее позднее такое изображение с семью серебряными очельями, очень близкое эссскому, — Вут-Ими (Великая Казымская Женщина), хранящееся в Ханты-Мансийском окружном музее.

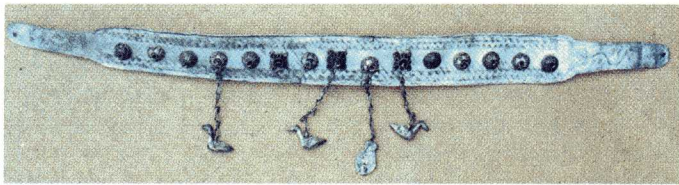
Интересны бляхи из тонкой серебряной фольги с тисненым орнаментом. Они копируют форму щитков для защиты руки лучника от удара тетивы, хорошо известных по археологическим находкам XII–XVII веков в Западной Сибири, но в этом качестве использоваться не могли, а являлись лишь церемониальными украшениями. Щитки были сделаны, скорее всего, ювелирами Казанского ханства, сохранившими традиции ремесла домонгольской Волжской Булгарии.

Изделиями золотоордынской Волжской Булгарии и Казанского ханства были и серебряные сканые однобусинные серьги и трехбусинные височные подвески, имеющие многочисленные аналоги в материалах западносибирских могильников XIV — начала XVII века. Ажурная серебряная бусина, спаянная из тонкой серебряной проволоки, подобна золотым ажурным бусинам времен поздней Золотой Орды из Симферопольского клада начала XV века. К XV–XVI векам относятся найденные на острове разнообразные полые паяные пуговицы из серебра и меди, изготовлявшиеся в Средней Азии.

Находки с Эссского острова ярко характеризуют культуру зауральских вогулов в период, предшествующий вхождению таежного Зауралья в состав Русского государства. Они отражают оживленные торговые связи аборигенов Северо-Западной Сибири с татарскими государствами, возникшими на обломках Золотой Орды, и с находившимся под их влиянием финно-пермским населением Верхнего Прикамья.

Остановимся подробнее на одной занятой вещице, проливающей свет на отношения Московского государства с остяко-вогульскими княжествами на рубеже XV–XVI веков. Это русский перстень-печатка, отлитый из высококачественного серебра. Если обнаружение Эссского могильника можно уподобить находке иголки в стогу сена, то обнаружение в этих местах столь уникального предмета выглядит и вовсе невероятно.

Щиток-печатка перстня имеет сердцевидную форму. Внешняя поверхность ровная, внутренняя — выпуклая. На внешней поверхности нанесено рельефное (гравированное) изображение дерева. С двух сторон оно фланкировано двумя фигурами людей в фас, с повернутыми в профиль головами. В отставленных руках обеих фигур, обращенных к краям печатки, изображены сабли, направленные остриями вниз. У правой фигуры в другой руке изображен еще один предмет, поднятый на уровень лица, — в нем угадыва-

Серебряное очелье
и его фрагмент
с привесками.

Котлы из меди.

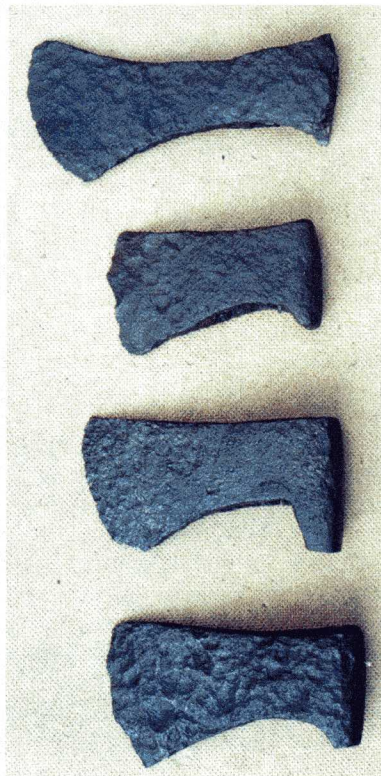

Бронзовые шумящие подвески
XIII-XIV веков из Верхнего
Прикамья.

Железные наконечники стрел.

Серебряные украшения прически
и костюма: серьги, височные
подвески, браслеты, пуговицы.

Железные топоры.

ется чаша либо рог для питья. На дужках перстня с обеих сторон щитка расположены литые барельефные орнаменты. На внешней поверхности щитка-печатки прослеживается глубоко въевшееся овальное пятно красно-коричневого цвета. Такие же следы сохранились в углублениях орнамента на прилегающих к щитку участках дужки. Скорее всего, это какое-то органическое вещество (сургуч, воск), сохранившееся до наших дней благодаря пропитавшим его окисям серебра.

Точных аналогов эта находка не имеет. Однако известны похожие вещи среди бронзовых литых перстней-печаток Северо-Восточной Руси XV — начала XVII века. Близка манера орнаментации прилегающих к щитку частей дужки, иконография фигур человека. Владельцами этих перстней-печаток были русские князья, бояре и чиновники княжеской администрации довольно высокого ранга. Чтобы понять, каким образом русский перстень оказался среди вещей на аристократическом вогульском могильнике, необходимо обратиться к событиям второй половины XV века.

После окончания феодальной войны, более известной как «Шемакина замятня», началось восстановление власти Московского государства в Перми Вычегодской, разоренной набегами вятчан, союзников Дмитрия Шемаки. В 1450–1451 годах великий князь Василий II Темный назначил здесь наместниками местных пермских князей — Ермолая и его сына Василия. Тогда же на княжение в Пермь Великую был отправлен старший сын Ермолая Вымского князя Михаил. Этим актом к Московскому государству были номинально присоединены земли Верхнего Прикамья. Для закрепления политического успеха в 1455 году во владения князя Михаила Великопермского отправился епископ Пермский Питирим. В это же время пельымский вогульский князь Асыка совершил набег на Пермь Великую. Владыка Питирим, возвращавшийся из Чердыни в Усть-Вым, был застигнут ратью вогуличей и убит. С этой поры пограничная война с пельымцами на северо-восточных рубежах Руси не утихла до конца XVI века. Вогульские набеги на Пермь чередовались с ответными карательными рейдами русских войск за Урал. Естественно, в летописях и документах сохранились упоминания только о наиболее крупных событиях этой войны. Первый поход московского отряда во главе с устюжанином Василием Скрябой в Югру состоялся в 1465 году. Ратники «Югорскую землю воевали, и потому много вывели», в плен были захвачены два югорских князя — Калба и Течик. Их доставили в Москву, где «князь великий их пожаловал Югорским княжением и отпустил в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую». В 1467 году удачный набег на Пелым совершил отряд из Вятки и Перми Великой. В плен попал даже князь Асыка, но вятчане его «упу-

тили» (то ли ему удалось бежать, то ли он был освобожден за выкуп).

В 1481 году все тот же Асыка предпринял большой поход на Пермь Великую. Пелымцы сожгли княжескую резиденцию городок Покчу, в которой были убиты князь Михаил и его сын Иоанн, разорили волости и осадили Чердынь. От неминуемого падения город спасло чудо — в тыл вогуличам ударил случайно оказавшийся здесь отряд ушкуйников из Устюга Великого, двигавшийся вниз по Каме грабить земли Казанского ханства. «Вогульское разорение» вынудило русские власти отменить перепись податного населения Перми Великой.

Этот пельымский набег привел к организации ответного грандиозного похода «на Асыку на вогульского да на Югру, на Обь Великую». В войско князя Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка-Травина вошли отряды служилых людей, собранных со всех северорусских земель: Вологды, Устюга, Белозерья, Вычегды, Выми, Чердыни. 29 июля 1483 года в устье реки Пелым было разбито войско пельымского князя Юмшана, сына Асыки. Затем русская рать прошла стремительным рейдом вниз по течению Тавды, Иртыша, Оби, громя вогульские, татарские и остяцкие городки и поселки. На Нижней Оби были захвачены в плен остяцкий большой князь Коды Молдан и двое сыновей князя Екмычя, которых доставили в Москву.

Побежденные остяки и вогулы вступили в переговоры с русскими властями. Первыми во владычный городок Усть-Вым прибыли послы пельымского князя Юмшана — его шурин Юрга и сотник Анфим. Из Усть-Выма в Москву отправился вместе с вогульскими послами и владыка Филофей. Весной 1484 года «князь великий Юмшану опас (охранную грамоту. — А. З., С. К.) дал и велел ему у себя быти», чтобы он смог лично провести переговоры с Иваном III.

Тем временем в Москву с богатыми дарами приехал остяцкий князь Пыткой — «от вси земли Кодские и Югорские» просить за пленных. «Печалование» остяка перед Иваном III поддержал владыка Филофей, «и князь великий пожаловал тех князей плененных, отпустил их в свою землю». 31 декабря 1484 года у городка Усть-Вым состоялось подписание мирного договора с остяцкими князьями. При этом югричи принесли клятву («шерть»), необычная процедура заключения мира была описана русскими очевидцами и попала на страницы летописей: «А мир их таков. Подкинувшие елку в жерьдь протольсту, протесав на четыре, а под нею постлали медведно. Да на медведно покинули две сабли остреи в верх супротивно. Да на медведно же положили рыбу да хлеб. А наши поставили в верх елки крест. А югричи по своему жабу берестену доспену и с нохти. Да привяжут под крестом ниско, да под жабою над нами как

почнуть ходити вокруг елки в посолон дръжати две сабли, подкнув елку остреи вниз. Да человек стоячи, приговаривать: «Кто сесь мир изменить, по их праву Бог казни». Да обойдут 3-жди, да наши поклонятся кресту, а они на польдень. А после того всего с золота воду пили, а приговор их так же: «Кто изменить, а ты, золото, чюй!»

Картина, увиденная летописцем, очень напоминает обрядовые пляски северных хантов, подробно описанные путешественниками и этнографами XVIII–XIX веков (П. С. Паллас, Й. Папай, Н. А. Абрамов). Каноничные изображения воинов с двумя клинками в руках очень распространены в западносибирской бронзовой пластике и на гравировках с I века до н. э. до X века.

Очевидно, что на щитке эсского перстня была изображена сцена, в которой лаконично отражены все значимые моменты присяги: хождение вокруг дерева попарно представителя русских властей и югорского князя с саблями, опущенными остриями вниз, ритуальное питье из золотой посуды. Возможно, подобные перстни после 1484 года специально изготавливались для шертования остяцких и вогульских князей, тем более что повод к тому возник уже вскоре.

В конце лета 1485 года в Усть-Вым князец-то прибыл по охранной грамоте пельымский князь Юмшан, его тесть Калба (очевидно, тот самый вогульский князь, что побывал уже в русском плену в 1465 году) и некий вогулич Ломотко. Епископ Филофей отправился с ними в Москву, где великий князь Иван III «жаловал владыку, почтив велми, а Юмшака жаловал же». Возможно, именно тогда и был вручен перстень какому-то знатному вогуличу, находившемуся в составе делегации пельымского князя. То, что эсский перстень использовался в качестве печати при скреплении какого-то документа, доказывают остатки органического вещества, может быть воска.

Впрочем, это могло произойти и чуть позднее. Договоры 1484–1485 годов не очень-то долго соблюдались. Зимой 1499/1500 года русское войско численностью более четырех тысяч человек совершило поход за Урал «на Югру да на Куду, да на князеи вагульских на Пельны». Московские ратники взяли множество городков и захватили в плен большое число князей и лучших людей, а «иних князей и земских людей к роте приведоша по их вере за великого князя». Очевидно, что при принятии присяги на верность русским властям использовалась хорошо знакомая процедура.

Ныне коллекция с реки Эсс вернулась на свою «историческую родину» в город Югорск, где стала украшением экспозиции только что созданного городского музея. Директор музея О. А. Соляр и мы, участники раскопок, намерены посвятить этому уникальному памятнику отдельную книгу.

Алексей ЗЫКОВ, Сергей КОКШАРОВ
Городок Эмдер
2

Наталья ФЕДОРОВА
**Византийские сокровища
югорских князей**
7

Антон БОГДАНОВ
«Когда лед застынет, мы придем»
10

Людмила КОЗЛОВА, Сергей ГОРШКОВ
«Музейное кольцо» Югры
15

Нильс ЛИННЕРУП
Норманны и инуиты
18

Георгий ВИЗГАЛОВ,
Сергей ПАРХИМОВИЧ
Мангазейское притяжение
24

Андрей ГОЛОВНЁВ
Земля Санникова каменного века
29

Алексей ЗЫКОВ, Сергей КОКШАРОВ
Эсский остров
36

Лада ИВАСЬКО, Олег КАРДАШ
По следам огня
40

Древняя Земля